

Раз уж этот крольчонок сам протянул лапку, не поцеловать её было бы просто невежливо.

За первым чмоком последовал второй, за ним — третий. Когда Янь Фэйду опомнился, он с изумлением поймал себя на том, что уподобился тем городским сумасбродам, что до одури тискают уличных котов.

... Опасный малыш.

Глядя на спящего крольчонка, явно блуждавшего где-то в недрах сна, Янь Фэйду прикрыл глаза, обуздал порыв и с прежним невозмутимым видом бережно заправил пушистую лапку обратно под одеяло.

Зайчонок тем временем во сне сбивчиво пробормотал:

«Не сердись...»

— Что же тебе снится? И с чего бы мне сердиться?

Янь Фэйду тихо спросил, но Хан Цзянсюэ лишь перевернулся на другой бок, подставив ему круглый пушистый затылок.

Янь Фэйду усмехнулся и слегка задел пальцем кроличье ухо. Оно тут же забавно дернулось из стороны в сторону, вызвав у крольчонка новое невнятное сопение.

Хан Цзянсюэ проснулся с чувством, будто ночное сновидение было чересчур странным.

Во сне он снова оказался на том жутковатом, загадочном рынке демонов и призраков, где Призрак-мальчик шепотом вещал ему страшные байки о Бессмертном Владыке Исполнения Желаний. Крольчонок до смерти перепугался, боялся, что прославленный Владыка схватит и его, дабы запечатать им какую-нибудь древнюю брешь. И, как назло, страх материализовался: холодная когтистая лапа сзади сгребла Хан Цзянсюэ за шкуру.

Обернувшись, малыш увидел синелицую клыкастую тварь с разверстой пастью, готовой проглотить его целиком!

— Я невку-у-сный! — в ужасе заверещал Хан Цзянсюэ во сне.

Наяву же бедного зайчонка просто придавило тяжелым ватным одеялом. Задыхаясь, он отчаянно заболтал всеми четырьмя лапами, сбросил перину на пол, сделал пару кругов по

своей кровати-плетенке и только тогда окончательно очнулся.

Хан Цзянсюэ сел, огляделся — небожителя рядом не было.

Тогда крольчонок прыгнул на пол и принялся усердно умываться обеими лапками: от лба к глазам, а затем к пухлым щечкам и носику. Когда ритуал завершился, вся шерстка на мордочке снова стала чистой и пышной!

Выбравшись наружу, Хан Цзянсюэ взглянул на небо... увы, определить время по солнцу он так и не научился. Присмотревшись к двору, он заметил, что марионетки с духовным сосудом еще не вышли на уборку — значит, все еще копошатся на кухне.

Стало быть, утро совсем раннее.

Хан Цзянсюэ прыгнул по ступенькам вниз и увидел у кухонных дверей двух хомяков — А-Да и А-Эра. Зверьки топтались у порога, но внутрь заходить не отваживались.

— Вы чего не заходите? — поинтересовался крольчонок.

Хомяки, как по команде, наперебой заверещали и стали возмущенно тыкать лапками внутрь, будто жалуясь.

Хан Цзянсюэ перевалился через высокий порог, заглянул в кухню и увидел Преподобного Хуацзи. Тот, с нарисованной на лице маской обезьяны, сжимал в руках здоровенную пиалу и с терпеливым ожиданием караулил лапшу.

— О, зайчонок проснулся? — Хуа Цзи кивнул ему в знак приветствия.

Хан Цзянсюэ надул щеки и оскалился, пытаясь изобразить грозный «устрашающий» вид.

Хуа Цзи не удержался от смешка. Неужели эта наивная зверушка не понимает, что, когда он надувает круглые щечки, его хочется потискать еще сильнее?

Сглотнув слюну, Хуа Цзи принял из рук марионетки дымящуюся пиалу с лапшой на крепком говяжьем бульоне и улыбнулся малышу:

— Вчера я поступил нехорошо: глупо пошутил и напугал тебя. Простишь меня, а?

Хан Цзянсюэ захлопал глазами:

— Извиниться?

Хуа Цзи кивнул:

— Мне не следовало так бесцеремонно лезть с поцелуями к твоим лапкам и уж тем более пугать. Смени гнева на милость, а?

Зайчонок серьезно уточнил:

— Честно-честно? Не обманываешь?

Хуа Цзи поднял руку, давая клятву:

— Святая правда! Если совру — пускай на этом самом месте превращусь в лягушку и запрыгаю в пруд.

Мордочка крольчонка тут же просияла, и он сладко расплылся в улыбке:

— Ну ладно! Я тебя прощаю!

Глядя на эту светлую улыбку, Хуа Цзи почувствовал, как на душе стало тепло и радостно. Теперь-то он понимал, почему Янь Фэйду приютил этого пушистика. Сказать по правде, разве перед такой послушной милахой хоть у кого-то сердце не растает?

... И потискать захотелось еще сильнее!

Поскольку в доме были гости, марионетки превзошли сами себя, приготовив истинный пир.

Хуа Цзи без промедления отчеканил, точно скороговорку:

— Хутоны с куриным бульоном, пельмени «три свежести», жареные пирожки с говядиной, лапша на мозговой косточке, соевое молоко с хрустящими хворостинами-юйтяо и чайными яйцами, острый суп хулатан, а еще четыре вида южных прохладных бисквитов! Да плюс шесть холодных закусок: битые огурчики, салат из трех нитей, тофу с пидань, холодная крахмальная лапша, маринованные лотосовые хрустяшки и нежная соломка из бамбуковых побегов!

От этого гастрономического перечисления и у кролика, и у хомяков слюнки потекли в три ручья.

Увидев, что Хан Цзянсюэ собирается наложить еды на поднос и унести наверх к Янь Фэйду, Хуа Цзи остановил его жестом:

— Не старайся, он ушел в тихую обитель медитировать. Передал, что завтракать не будет.

Зайчонок огорченно опустил ушки. Вчера ведь они обо всем договорились...

— Впрочем, он добавление сделал: мол, это не оттого, что он нарушает обещание. Просто с утра ци в каналах слегка взбунтовалась, вот и пришлось уединиться. На ужин непременно к тебе присоединится.

Пересказывая слова хозяина дома, Хуа Цзи сам дивился. Утром, слыша эти наставления от Янь Фэйду, он грешным делом подумал, уж не вселился ли в того злой дух. Подумать только — с таким трепетом относиться к договору с маленьким кроликом!

Но глядя, как крольчонок снова повеселел, Хуа Цзи сознался себе: да у кого вообще поднимется рука расстроить такое милое создание?

Марионетки помогли вынести блюда в уютный беседочный павильон на галерее, где уже раскурили жаровню и опустили бамбуковые шторы. Обстановка вышла чрезвычайно изысканной.

Два хомяка уселись прямо на стол, вцепившись лапками в паровой бисквит. Зайчонок тоже взобрался на столешницу и, обхватив маленькую пиалку обеими лапками, с удовольствием попивал пряный суп хулатан. По-другому никак: малыши были настолько крошечными, что с обычных табуретов не дотянулись бы до стола, даже встав на цыпочки.

Хуа Цзи, набросив на плечи лишь легкий халат, развалясь сидел напротив. Вдруг он заметил внимательный взгляд Хан Цзянсюэ, слегка повел головой — и маска на его лице мгновенно сменилась!

— Ого-о-о! — не удержался от возгласа Хан Цзянсюэ.

Хомяки же, точно заводные игрушки, принялись отчаянно аплодировать.

Окрыленный столь бурным успехом, Хуа Цзи вошел во вкус. Он менял личины, когда тянулся за супом, менял, когда отправлял в рот лапшу — и как бы близко Хан Цзянсюэ ни подбирался, угадать секрет так и не смог.

— Это волшебство? Небожительская магия?

Оттрапезничав, хомяки ускакали спать, а Хан Цзянсюэ и Хуа Цзи устроились на открытой галерее с чашками чая.

— Это обычный мирской трюк, тут вся суть в хитроумном механизме, — с видом умудренного опытом мастера изрек Хуа Цзи, ловя на себе восхищенные глаза зверька. — Сие есть мое ремесло, коим я зарабатываю на хлеб, так что секрет выдать не могу!

Хан Цзянсюэ ничуть не расстроился:

— Ничего страшного, тогда я и спрашивать не буду.

Зайчонок поднялся, намереваясь уйти — его ждала ежедневная тренировка с мечом. Но одинокому Хуа Цзи явно не хотелось расставаться:

— Эй-эй, куда же ты? Тут и поговорить-то больше не с кем, давай болтать!

Хан Цзянсюэ вздохнул:

— Разве что ненадолго...

Глядя на малыша, Хуа Цзи поймал себя на мысли, что от долговременного общения с Янь Фэйду крольчонок перенял даже некоторые интонации хозяина!

— Ты ведь не превратишься со временем во второго Янь Фэйду, а?.. — Хуа Цзи даже представить не мог, чтобы эдакое прелестное создание стало подобным истуканом.

Хан Цзянсюэ понял его слова буквально:

— Разве мы с небожителем похожи? Совсем нет... И внешность разная, да и силой я с ним не сравнюсь...

Хуа Цзи изогнул бровь:

— Ого! То есть в твоих глазах Янь Фэйду соткан из одних достоинств?

Крольчонок убежденно кивнул, но затем чуть склонил головку, раздумывая:

— Вот только валяться он уж больно любит. Когда недомогал — все лежал, да и как получше стало — опять лежит. Даже когда на прогулку выходит, приходится глаз с него не спускать. Надеюсь, когда мы выведем яд, эта его немощь и слабость пройдут.

Слыша это, Хуа Цзи зашелся хохотом:

— Да-да-да! Немощный он, как есть хлипкий! Ты уж поглядывай за ним получше, гоняй его, чтоб побольше двигался!

Зайчонок сжал пушистый кулачок: ну еще бы, обязательно!

— Вчера Янь Фэйду обмолвился, будто ты пришел с горы Туло? — Хуа Цзи вытер слезы, выступившие от смеха.

— Все верно, — подтвердил Хан Цзянсюэ.

Хуа Цзи недоумевал:

— И ты преодолел столь дальний путь лишь затем, чтобы стать его служебным котом? С чего вдруг такая даль?..

Крольчонок энергично замотал головой:

— Вовсе нет! Изначально я шел учиться искусству меча! Небожитель хоть и не взял меня в ученики, но согласился обучать фехтованию. Я решил, что нечестно просто так пользоваться его добротой, вот и заключил договор кошачьего слуги.

Вспомнив вчерашние подшучивания Хуа Цзи о том, как кролик может работать котом, Хан Цзянсюэ гордо выпятил грудь:

— Я хоть и кролик, но вырос у мамы-кошки! С самого детства умею ловить мышей, так что навык у меня самый настоящий!

Оставив в стороне столь странную затею — выдавать себя за кота, — Хуа Цзи задался куда более серьезным вопросом. Во всем мире совершенствующихся Янь Фэйду славился неоспоримым мастерством меча, но вот репутация его... с чего бы крольчонку специально искать встречи именно с ним? Неужто его кто-то обманом сюда заманил?

— Кхм, — Хуа Цзи покашлял и осторожно закинул удочку: — А до того, как идти в ученики к Янь Фэйду, ты знал, кто он такой?

Хан Цзянсюэ потерев лапкой чесавшееся ухо и беззаботно ответил:

— Как кто? Небожитель из Обители Опавших Персиков! Я с самого детства каждый день читал сказания о бессмертном мечнике из Обители Опавших Персиков. Столько лет ждал, пока мне разрешат покинуть дом и отправиться на поиски учителя! Хоть в ученики меня и не приняли, но шанс еще обязательно появится!

Крольчонок был настроен невероятно оптимистично!

Слушая его, Хуа Цзи заголосил от смеха и хлопнул себя по бедру:

— Ну и рвение! Только вот с оговорками тебе надо бы поаккуратнее. Вчера у тебя «предсмертный просвет», сегодня — «Обитель Опавших Персиков». Да разве ж это Обитель Опавших Персиков? Сие место зовется Рассветным Рогом на Морозном Небе! Ты что же, намеревался перемахнуть к соседям в Обитель Опавших Персиков, чтобы учиться мечу?

Однако хохот Хуа Цзи угас, едва он заметил, что ответа не последовало.

Не было ничего хуже этой повисшей неловкой тишины.

Хуа Цзи опустил взгляд и замер: крольчонок смотрел на него так, словно в него только что ударила молния.

— Э-это... Это место — не Обитель Опавших Персиков?..

Хуа Цзи растерялся:

— Ну да.

Заметив, что малыш оцепенел, а на его мордочке застыл непередаваемый ужас, Хуа Цзи почувствовал, как сердце у него ушло в пятки. Внутреннее чутье подсказывало: кажется, он натворил дел...

— Стой... Неужто сам Янь Фэйду сказал тебе, будто это Обитель Опавших Персиков?

Хан Цзянсюэ ошеломленно качнул головой. С самого момента его появления Янь Фэйду ни разу не утверждал, будто здесь Обитель Опавших Персиков. Напротив, он вообще ни разу не обмолвился, как называется эта усадьба.

— Рассветный Рог на Морозном Небе... — прошептал Хан Цзянсюэ и вдруг вцепился лапками в край халата Хуа Цзи. — А чья это обитель?

Хуа Цзи окончательно понял: нелепая догадка оказалась правдой.

— Резиденция Бессмертного Владыки Исполнения Желаний.

— Владыка Исполнения Желаний... — пролепетал крольчонок. — Сиречь... Небожитель? Янь Фэйду?!

У Хан Цзянсюэ подкосились лапки, и он шмякнулся пушистым задом прямо на пол, в ступоре уставившись на собеседника.

Еще сегодня утром он был так рад — да что там, он радовался абсолютно каждому дню! Но столь оглушительный шок с ним случился впервые в жизни.

Малыш одеревеневшей шеей повернул голову и указал лапкой в сторону пылающего розоватым цветом персикового сада за оградой.

— Дедушка Черепаха говорил... что место, где я выберусь на берег, совсем близко от Обители Опавших Персиков. И пока я шел сюда, я спрашивал у птичек. Они тоже сказали: иди прямо, и когда увидишь огромную персиковую рощу — ты пришел.

Хуа Цзи бросил взгляд на цветущий сад. Птички... птички вовсе не лгали.

Идти и впрямь надо было вперед. Вот только путь лежал вдоль реки: стоило пройти еще немного дальше, и у подножия третьей горы открылась бы совсем другая персиковая роща. В той роще каменные ступени вели бы наверх, к горным воротам, подле которых возвышался бы утес с высеченными иероглифами: «Обитель Опавших Персиков».

За теми воротами таилось неисчислимое множество благословенных обителей. Там ученики ежедневно вникали в священные каноны (хотя, разумеется, находились и прогульщики). Там играли на цитрах и флейтах, ковали оружие, вели ученые споры о Дао, ловили кошек и заигрывали с собаками, или же спускались с гор, дабы разить демонов и истреблять злых духов по всему миру. А иные и вовсе не утруждали себя духовным совершенствованием, предпочтя лениво пролеживать бока.

Путь к бессмертию или мирская жизнь — все едино есть постижение Дао.

Вознестись или остаться смертным — всё едино есть жизнь.

Вот что представляла собой Обитель Опавших Персиков.

Хуа Цзи провел ладонью по лицу и тихо произнес:

— Птахи не ошиблись... Просто ты, кажись, сбился с пути.

Хан Цзянсюэ словно и не слышал его. Он неотрывно смотрел на персиковые деревья, а затем медленно перевел взгляд на противоположную сторону галереи — туда, где в его комнате на стене висел маленький деревянный мечик.

Хуа Цзи добавил:

— Впрочем, Янь Фэйду и впрямь был учеником Обители Опавших Персиков. А когда решил отделиться и основать собственное пристанище, то просто пересадил сюда все персиковые

деревья, что когда-то вырастил там.

Затем продолжил:

— Да и в искусстве меча ему равных нет.

Крольчонок поднял на Хуа Цзи растерянные глаза:

— Но ведь Небожитель так добр ко мне... Он такой мягкий, милый... Он вовсе не похож на того... кровожадного злодея из молвы?

Глядя в чистые, доверчивые глаза зверька, Хуа Цзи испугался, как бы малыш не расплакался:

— Хоть методы у него бывают и суровые, но помыслом он чист...

Хуа Цзи говорил и чувствовал, что каждым словом заковывает Янь Фэйду в еще более мрачные краски.

А Хан Цзянсюэ уже ничего не слышал.

С самого раннего детства его главной мечтой было попасть в Обитель Опавших Персиков, обучиться искусству меча и стать настоящим великим мечником-небожителем.

Но кто же мог подумать... что он с самого первого шага пойдет не туда!!!

Словно не в силах снести тяжесть этой правды, крольчонок с громким «ва-а-а!» уткнулся мордочкой в пол. Его пушистое тельце судорожно задрожало, будто от горьких слез.

Хуа Цзи впал в панику и закрутил головой, опасаясь, как бы из воздуха не соткался Янь Фэйду.

Хоть хозяину дома обычно до всего не было дела, но к этому крольчонку он относился совершенно иначе.

У Хуа Цзи мороз пробежал по коже — он буквально затылком чуял скорую расправу!

— Ну же, не плачь, миленький кролик! Не надо! Хочешь, я прямо сейчас отвезу тебя в Обитель Опавших Персиков?! — Хуа Цзи был готов на все, лишь бы загладить вину.

Спустя мгновение крольчонок оторвал мордочку от лапок и шмыгнул носом. Но его большие круглые глазки были абсолютно сухими — ни слезинки.

Хуа Цзи остолбенел: Ты что, разыгрываешь меня?!

Хан Цзянсюэ печально скривил ротик:

— Мне так грустно, а слезы не идут... Потому что Небожитель... он ведь очень хороший. Я его люблю.

Даже узнав, что Янь Фэйду — тот самый пресловутый Бессмертный Владыка Исполнения Желаний, отвернувшийся от Обители Опавших Персиков, крольчонок все равно верил человеку, с которым жил бок о бок все эти дни.

Обитель Опавших Персиков была далекой детской мечтой, а Рассветный Рог на Морозном Небе уже успел стать для Хан Цзянсюэ настоящим домом.

— Я сам виноват, что перепутал дорогу...

Крольчонок сжал пушистые кулачки и шмыгнул носом, изо всех сил стараясь быть храбрым.

Эта стойкая, трогательная картинка растопила бы любое сердце.

Хуа Цзи порывисто протянул к нему руки:

— Ох ты ж мой хороший, сердце разрывается! Ну иди сюда, я тебя обниму!

«Бам!» — раздался оглушительный звук, и Хуа Цзи снова получил под обе глазницы.

Зайчонок отчаянно замотал головой:

— Никаких обнимашек!

Слушая стенания ушибленного гостя, Хан Цзянсюэ поднял взгляд на второй этаж, и в его маленьком сердце созрело твердое решение.

<http://bllate.org/book/20471/2132667>